
З В Е З Д Ы   Д Е Т Е К Т И В А

ZYGMUNT MIŁOSZEWSKI

UWIKŁANIE

ЗИГМУНТ МИЛОШЕВСКИЙ
ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

Перевод с польского
Анатолия Нехая

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)
М60

Серия «Звезды детектива»

Zygmunt Miłoszewski
UWIKŁANIE

Перевод с польского: *Анатолий Нехай*

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

© Grupa Wydawnicza Foksal, 2007
© Анатолий Нехай, перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Плохих людей нет, есть только запутавшиеся.
*Берт Хеллинггер*¹

---

¹ *Берт Хеллинггер* (род. 1925) — немецкий философ, психотерапевт и богослов, автор так называемого метода семейных расстановок. (*Здесь и далее — прим. переводчика.*)

Монике — тысячекратно

Раздел первый

Воскресенье, 5 июня 2005 года

Большой успех возрожденного фестиваля в Яроцине¹, десять тысяч слушателей с восторгом принимали группы «Джем», «Армия» и «ТСА». А «Поколение JP2» выступило на ежегодном молитвенном собрании в Леднице. Збигнев Релига² заявил, что примет участие в президентских выборах и хотел бы стать «кандидатом национального согласия». На юбилейном, десятом, авиапикнике в Гурашке показали два истребителя F-16, которые вызвали у собравшихся энтузиазм. В Баку польская команда выиграла у Азербайджана с разгромным счетом 3 : 0, а тренер хозяев напал на судью. В Варшаве полицейские раздавали водителям ужасные снимки жертв автомобильных аварий с целью их

---

¹ Фестиваль в Яроцине — старейший в Польше фестиваль рок-групп; проходит ежегодно, начиная с 1980 года, в маленьком городке Яроцин Великопольского воеводства.

² Збигнев Релига (1938—2009) — польский кардиохирург и политик, первым в Польше сделавший пересадку сердца (1985).

предупреждения, на Мокотуве¹ загорелся пассажирский автобус № 122, а на улице Киновой опрокинулась машина «скорой помощи», перевозившая печень для пересадки. Водитель, санитарка и врач попали в больницу со множественными ушибами, а печень осталась целой и в тот же день была пересажена пациенту в клинике на улице Банаха. Максимальная температура в столице — 20 градусов тепла, временами осадки.

1

— Позвольте рассказать вам сказку. Давным-давно в маленьком провинциальном городке жил себе плотник. Жители городка не могли похвастаться богатством, новые столы и стулья были им не по карману, поэтому и плотник бедствовал. Он еле сводил концы с концами, и чем старше становился, тем меньше верил, что его судьба может измениться к лучшему, хотя желал этого, как никто другой. Ведь у него росла красавица дочь, и он хотел, чтобы ей в жизни повезло больше, чем ему. Однажды летним днем к дому плотника приблизился богач. «Плотник,— сказал он,— ко мне приезжает брат, которого я давно не видел. Я хочу сделать ему подходящий подарок, а поскольку он приедет из страны, богатой золотом, серебром и драгоценными камнями, я решил,

---

¹ Мокотув — один из центральных районов левобережной Варшавы, лежащий на двух уровнях — Гурный (Верхний) и Дольный (Нижний) Мокотув.

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

что это должна быть необыкновенной красоты деревянная шкатулка. Если ты закончишь ее до воскресенья ближайшего полнолуния, больше никогда не будешь жаловаться на бедность». Плотник, конечно, согласился и немедленно приступил к работе. Работа была исключительно сложная и трудная, он хотел объединить разные породы деревьев и украсить шкатулку изображениями сказочных зверей. Плотник мало ел и почти не спал — только работал. Тем временем весть о визите богача и необычайном заказе быстро разнеслась по городку. Жители с большой симпатией относились к скромному плотнику, что ни день кто-нибудь приходил с добрым словом и трудился в столярке. Пекарь, купец, рыбак, даже шинкарь — каждый брался за долото, молоток или напильник, желая помочь плотнику закончить работу в срок. Увы, никто не умел работать так, как плотник, и дочка с грустью видела, как отец, вместо того чтобы сосредоточиться на заказе, вынужден поправлять испорченное друзьями. Однажды утром, когда до крайнего срока оставалось четыре дня и отчаявшийся плотник начал рвать волосы на голове, дочь встала у дверей дома и прогоняла всех, кто приходил помочь. Городок обиделся, о плотнике говорили не иначе как о грубияне и невеже, а о его дочери — как о невоспитанной старой деве. Если бы я хотел сказать вам, что плотник, хоть и потерял друзей, очаровал богача тонкой работой, это было бы неправдой. Потому что в воскресенье после полнолуния, когда богач пришел за заказом, он выбежал из его дома в бешенстве и с пустыми руками. Лишь много дней спустя плотник закончил шкатулку и подарил ее дочери.

Цезарий Рудский закончил рассказ, откашлялся и налил себе кофе из термоса. Троица его пациентов, две женщины и мужчина, сидела по другую сторону стола, не хватало только пана Хенрика.

— И какая в этом мораль? — спросил мужчина, сидевший слева, Эuzeбиуш Каим.

— Такая, какую вы сами отыщете, — отвечал Рудский. — Я понимаю, о чем говорю, но вам лучше знать, что вы сами желаете понять и какой смысл ищете. Сказки не комментируют.

Каим умолк, Рудский тоже ничего не говорил, лишь поглаживал бороду, которая, по мнению некоторых, делала его похожей на Хемингуэя. Он задумался, стоит ли касаться событий предыдущего дня. В соответствии с собственными принципами — нет. Но все же...

— Пользуясь отсутствием пана Хенрика, — сказал он, — я хотел бы напомнить всем, что не комментируют не только сказки. Мы не комментируем и ход лечения. Это один из наших принципов. Даже если сеанс был таким интенсивным, как вчера. Тем более нам следует хранить молчание.

— Почему? — спросил Эuzeбиуш Каим, не поднимая лица от тарелки.

— Потому что в этом случае мы заслоним словами и попытками интерпретации то, что нам открылось. А истина должна начать действовать сама и найти дорогу к нашим душам. Было бы нечестно по отношению к нам загубить ее в ученой дискуссии. Поверьте мне, так будет лучше.

Все молча продолжили есть. Июньское солнце проникало через узкие, напоминающие бойницы,

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

окна и украшало темный зал светящимися полосками. Помещение было очень скромное. Длинный деревянный стол без скатерти, несколько стульев, распятие над дверями. Шкафчик, электрический чайник, крохотный холодильник. Больше ничего. Когда Рудский открыл это место — приют отшельников в центре города, — он был восхищен. Врач решил, что церковные помещения больше подойдут для психотерапии, чем арендованные им ранее агротуристические хозяйства. И был прав.

Хотя в том же здании размещались костел, школа, поликлиника и несколько частных фирм, а рядом проходила Лазенковская трасса¹, в нем было очень спокойно. А именно в спокойствии его пациенты нуждались больше всего.

Спокойствие имеет свою цену. Здесь отсутствовала кухонная утварь, пришлось покупать холодильник, чайник, термос и комплект столовых приборов. Обеды заказывали в городе. Пациенты жили в одиночных кельях. Кроме того, к их услугам была маленькая трапезная, в которой они теперь сидели, и небольшой зал, где проходили сеансы. Его венчал крестообразный купол, опирающийся на три толстые колонны. Конечно, не крипта Леонарда², но, по сравнению с комнаткой, где Рудский обычно принимал пациентов, выглядела она почти так же.

---

¹ Лазенковская трасса соединяет центр Варшавы с ее правобережной частью (Прагой) по построенному в 1970-е годы Лазенковскому мосту через Вислу.

² Крипта Святого Леонарда располагается под собором Святых Станислава и Вацлава в Кракове. Ее построили в XI веке. В ней похоронены многие короли и общественные деятели, в том числе Костюшко.

Теперь, однако, он сомневался, не выбрал ли место слишком мрачное и замкнутое. Казалось, высвобождавшиеся во время сеансов эмоции оставались в этих стенах, отскакивая от них, словно каучуковый мячик, и попадали рикошетом в каждого, кто имел несчастье там оказаться. Он был еле жив после вчерашних событий и радовался, что скоро все закончится. Хотелось выйти отсюда как можно быстрее.

Он глотнул кофе.

Ханна Квятковская, тридцатипятилетняя женщина, сидевшая напротив Рудского, крутила в пальцах ложечку, не сводя с него глаз.

— Да? — спросил он.

— Я волнуюсь,— произнесла она деревянным голосом.— Уже четверть десятого, а пана Хенрика все нет. Может, сходить посмотреть, все ли в порядке, пан доктор?

Он встал.

— Посмотрю. Я думаю, пан Хенрик просто отсыпается после вчерашних эмоций.

По узкому коридорчику (в этом доме все было узким) он дошел до комнаты Хенрика. Постучал. Молчание. Постучал еще раз, более решительно.

— Пан Хенрик, подъем! — крикнул он через двери.

Подождав еще секунду, он нажал на ручку и вошел в комнату. Пусто. Постель застелена. Личных вещей нет. Рудский вернулся в трапезную. Три головы одновременно повернулись в его сторону, будто росли из одного туловища. Ему вспомнился трехглавый дракон на иллюстрации в детской книжке.

— Пан Хенрик нас покинул. Пожалуйста, не принимайте на свой счет. Не в первый и не в последний

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

раз пациент внезапно отказывается от лечения. Особенно после такого интенсивного сеанса, как вчера. Надеюсь, пережитое подействует и ему станет лучше.

Квятковская даже не вздрогнула. Каим пожал плечами. Барбара Ярчик, последняя из троицы — до недавнего времени четверки — его пациентов, взглянула на Рудского и спросила:

— Это конец? В таком случае и мы можем идти домой?

Терапевт отрицательно помотал головой.

— Прошу вас на полчаса пройти в свои комнаты, отдохнуть и успокоиться. Ровно в десять соберемся в зале.

Вся троица — Эузебиуш, Ханна и Барбара — закивали и вышли. Рудский прошел вдоль стола, проверил, не остался ли в термосе кофе, и налил себе полную чашку. Ругнулся — забыл оставить в чашке место для молока. Теперь у него был выбор — вылить или отпить. Он не переносил вкус черного кофе. Отлил немного в мусорную корзину. Добавил молока и встал у окошка. Смотрел на проезжавшие мимо автомобили и стадион на другой стороне улицы. Как эти позорники вчера снова умудрились проиграть матч, подумал он. Теперь им даже серебряных медалей не видать, не поможет и недавнее унижение «Вислы»¹, и победа со счетом 5 : 1 две недели назад. Но, может, удастся, по крайней мере, завоевать кубок; завтра — первый полуфинал с «Гроцлином». Тем самым, которого «Легии»² ни разу не удалось победить за послед-

---

^{1, 2} Две команды: краковская «Висла» и варшавская «Легия» доминировали в польской футбольной Высшей лиге, наподобие московских «Спартака» и ЦСКА.

ние четыре года. Снова какое-то дьявольское проклятие.

Он тихо засмеялся. Невероятно, как работает человеческий мозг, если у него хватает ума заниматься ситуацией в высшей лиге. Поглядел на часы. Еще полчаса.

За минуту до десяти он вышел из трапезной и отправился в ванную почистить зубы. По дороге встретил Барбару Ярчик. Та взглянула на него вопросительно, видя, что врач идет в сторону, противоположную залу.

— Я сейчас,— махнул он ей.

Не успел он выдать пасту, как услышал крик.

2

Теодора Шацкого разбудило то, что обычно будило по воскресеньям. Нет, не головная боль с похмелья, не жажда, не потребность сходить по-маленькому и не солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь соломенные жалюзи; не дождь, барабанивший по крыше над балконом. Это была Хелька, его семилетняя дочка, запрыгнувшая на Шацкого с разбегу с такой силой, что кушетка из ИКЕА затрещала.

Он открыл один глаз, и на него сразу упала каштановая кудряшка.

— Видишь? Бабушка сделала мне локоны.

— Вижу,— сказал он и отодвинул волосы с глаза.— Жаль, она тебя ими не связала.

Поцеловав дочку в лобик, он скинул ее с себя, встал и пошел в туалет. Он уже был в дверях комна-

ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ

ты, когда с другой стороны постели что-то зашевелилось.

— Набрызгай мне воды для кофе,— услышал он мурлык из-под одеяла.

Концерт по заявкам, как и всякий выходной. Он сразу почувствовал раздражение. Проспал Шацкий десять часов, но чувствовал себя невероятно усталым. Он уже не помнил, когда это началось. Мог лежать в постели хоть до полудня и все равно вставал с неприятным привкусом во рту, песком в глазах и болью, тлеющей где-то между висками. Бесполезно.

— Почему ты не скажешь просто, чтобы я сварил тебе кофе? — обратился он с претензией к жене.

— Я сама сварю,— он едва различал ее слова,— не хочу морочить тебе голову.

Шацкий поднял глаза к небу в театральном жесте. Хелька рассмеялась.

— Ты всегда так говоришь, а потом я все равно готовлю тебе кофе.

— Не надо. Я прошу тебя только налить воды.

Он справил нужду и заварил жене кофе, стараясь не глядеть на гору грязной посуды в раковине. Четверть часа на мытье, если она пожелает приготовить обещанный завтрак. Боже, как он устал. Вместо того чтобы проспать до полудня, а потом сесть за телевизор, как все прочие жители этой патриархальной страны, он строит из себя супермужа и супергероя.

Вероника выкарабкалась из постели и встала в прихожей, внимательно разглядывая себя в зеркале. Он тоже посмотрел на нее критическим взглядом. Сексуальной она была всегда, но моделью ее